

Кыштымская авария 60 лет спустя

29 сентября 1957 года на химкомбинате Челябинск-40 (сейчас это закрытый город Озёрск) на Урале произошла первая в СССР радиационная чрезвычайная ситуация техногенного характера, более известная, как авария на ПО «Маяк». Еще в народе ее называют Кыштымской аварией. Дело в том, что Челябинск-40 не был обозначен на советских картах и упоминался только в секретной переписке, поэтому катастрофа и получила название по ближайшему к нему городу Кыштыму.

На картах не обозначен

Челябинск-40 был настолько засекреченным объектом, что даже не был обозначен на советских картах и даже в период строительства его именовали как «строительный район №11». Первые строители «района №11», первые работники завода №817 положили начало истории ПО «Маяк». Генеральный план предприятия по переработке оружейного плутония, принятый в апреле 1946 года, предусматривал сооружение жилого поселка на 5 тысяч человек. А к марту 1954-го на химкомбинате «Маяк» был запущен уже шестой по счету реактор.

В воскресный день 29 сентября, в 16 часов 22 минуты, в бетонном каньоне глубиной 8,2 метра взорвалась одна из емкостей из нержавеющей стали или, как их называли, «банок», в которой хранились высокоактивные отходы. В результате взрыва была сорвана бетонная плита весом 160 тонн. В здании, расположенном в 200 метрах от эпицентра, была разрушена кирпичная стена. В воздух поднялся оранжево-красный столб дыма и пыли высотой около километра.

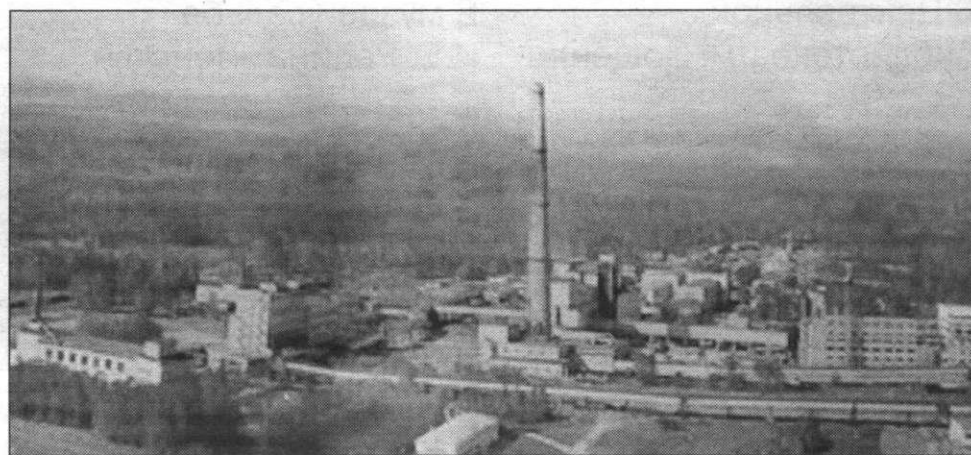
Сразу же после взрыва на объектах химкомбината дозиметристы отметили резкое

возрастание радиационного фона. Загрязненными оказались производственные здания, автотранспорт, бетонные и железные дороги. Не сразу обратили внимание на загрязненные улицы, столовые, магазины, школы, детские дошкольные учреждения. Но в день аварии городу повезло: радиоактивное облако миновало его стороной. Несмотря на это благоприятное обстоятельство, через сутки фон по бета-излучению вырос в 1200 раз, а по гамма-излучению — в 40 раз. В первые часы после взрыва радиоактивные вещества заносились в город на колесах автомашин и автобусов, на одежде и обуви работников промышленных объектов. Территория, которая подверглась радиоактивному загрязнению в результате взрыва на химкомбинате, получила название «Восточно-Уральский радиоактивный след». Его общая длина составляла примерно 300 км, при ширине 5—10 км. На этой площади проживало около 270 тысяч человек.

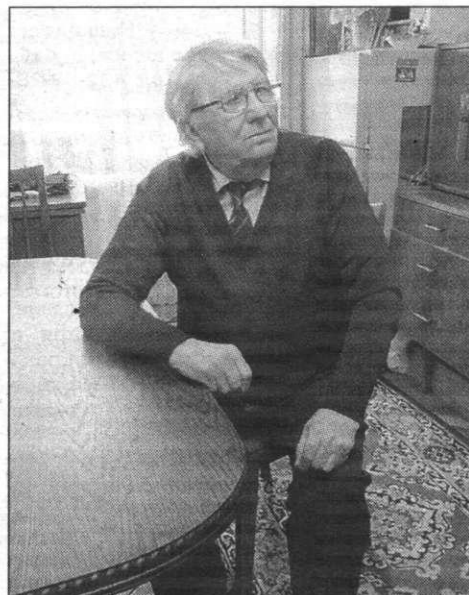
След, длиною в жизнь

Обследованием этой зараженной местности как раз в районе «следа» занимался наш земляк, житель поселка Песочный, Николай Петрович Фадеев — доктор медицинских наук, профессор Российского научного центра радиологии и хирургических технологий Минздрава РФ, врач-радиолог, ликвидатор радиационных аварий на ПО «Маяк», судне «Витязь» и в Чернобыле.

«Кроме правительственной комиссии в районе аварии от НИИ радиационной гигиены Минздрава СССР работало еще три лаборатории, примерно человек 30, — рассказал нашей газете Николай Петрович. — Я был командирован на Урал Институтом радиогигиены. И наша группа занималась исследованием заражения полосы отчуждения. Мы опи-

сывали населенные пункты, хозяйство, размеры пахотных земель и пастбищ, составляли схему медицинского обслуживания с точки зрения санитарной гигиены.

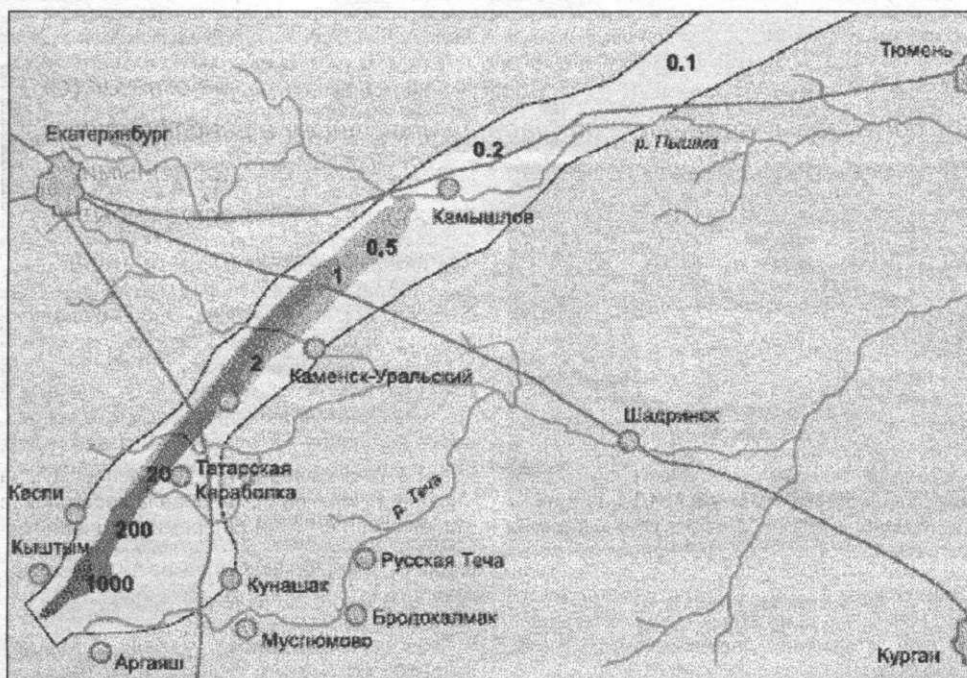
у меня впервые выявили неполадки с составом крови — не хватало гемоглобина, тромбоцитов. Еще позже добавились слабость, головокружения. Врачи пришли к выводу, что это последствия радиации, хотя у меня и не было серьезных осложнений».

Николай Фадеев официально был признан ликвидатором аварии на ПО «Маяк», правда, этого статуса участники добивались долго. В 1991 году был принят федеральный закон «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», но его действие на Николая Петровича не распространялось.

«Я был включен в состав комиссии по расследованию Чернобыльской катастрофы, но на Украину не попал. Поскольку я занимался онкологией, мне поручили составить инструкцию по диспансеризации населения в радиоактивной зоне. Занимался я этим в Москве, в специализированной больнице №6 Института биофизики, куда привозили пожарных и других ликвидаторов чернобыльской аварии. То, что я там видел, было по настоящему страшно», — объясняет Николай Фадеев.

Только семь лет спустя, в ноябре 1998 года, действие закона о «чернобыльцах» распространили на тех, кто подвергся воздействию радиации в результате аварии 1957 году на производственном объединении «Маяк» и сбросов радиоактивных отходов в реку Теча.

Ксения КИРИЛЛОВА

Восточно-Уральский радиоактивный след — так назвали территорию, которая подверглась радиоактивному загрязнению в результате взрыва на химкомбинате «Маяк».

Общая длина «следа» составляла примерно 300 км, при ширине 5—10 км.

На этой площади проживало около 270 тысяч человек

В полосу заражения попали такие города, как Каменск-Уральский, Камышлово. Работали без всяких защитных костюмов, правда, с индивидуальными дозиметрами «Пионер». В сам Челябинск-40 нас не пустили, я только по разговорам знаю, что даже не он был самым опасным местом, а промзона, которая называлась Челябинск-65. Теперь я могу точно сказать, что уровень радиации в полосе отчуждения был примерно в 2,5 раза ниже, чем потом в Чернобыле, да и площадь заражения меньше. Но на самом деле, и этого хватило с лихвой. Без защиты работали не только мы. Местные жители вообще ничего про аварию не знали, а мы давали подписку о неразглашении».

Из командировки Николай Фадеев вернулся через два месяца и сразу попал на обследование в родной институт. «Но сразу у меня ничего не нашли. Последствия радиации начали проявляться года через два, — объясняет Николай Фадеев. — Все ленинградцы, кто побывал и на ПО «Маяк» и в зоне отчуждения, каждый год проходили техпроф-обследование в специализированном диспансере на улице Типанова. И вот в 1961 году

[СПРАВКА]

По данным администрации Петербурга, в прошлом году в городе проживало около 5 тысяч только «чернобыльцев», а вместе с ликвидаторами чрезвычайных ситуаций на ПО «Маяк» и на реке Теча — еще больше.

Каждый год 26 апреля, в Международный день памяти жертв радиационных аварий и катастроф они собираются в юго-восточной части парка имени академика Сахарова у памятника «Жертвам радиационных аварий и катастроф» и в Сестрорецке, где живет немало ликвидаторов.